

Жанровые разновидности исторического романа США XX века

Перед исследователем исторического романа неизменно встает вопрос о том, является ли предмет его исследования самостоятельным литературным жанром или представляет собой одну из разновидностей романного жанра. Разнобой в ответах на этот вопрос в литературоведении не меньший, чем при определении исторического романа как литературного феномена. Г. Лукач и В. Оскоцкий, например, не считают исторический роман жанром. У большинства исследователей исторического романа этот вопрос не возникает – то, что исторический роман – самостоятельный жанр литературы, воспринимается ими как аксиома, не нуждающаяся в доказательствах. Не возникает этот вопрос и для англоязычных исследователей исторического романа – никто из них не называет исторический роман жанром, хотя и исследует его как самостоятельное явление литературы. Зато некоторые отечественные исследователи, например И. Скачков¹, не довольствуясь признанием за историческим романом статуса самостоятельного литературного жанра, провозглашает его видом, а жанром – историко-революционный роман, и далее ведет разговор уже о его, историко-революционного романа, жанровых разновидностях. И. Варфоломеев также выделяет внутри исторической романистики самостоятельные жанры, хотя и называет их, вдоволь поиздевавшись над В. Оскоцким, его термином – типовая устойчивость, и выделяет две такие типовые устойчивости, два жанра: историко-романтический и историко-реалистический.

Сложность жанрового определения исторического романа, как и создания его жанровой классификации, легко объяснима, если исходить из известного высказывания М. Бахтина о том, что роман – единственный становящийся и еще не готовый жанр. «Жанрообразующие силы действуют на наших глазах... Жанровый костяк романа еще далеко не затвердел, и мы еще не можем предугадать всех его пластических возможностей»². Поэтому мы и не спешим придать историческому роману статус самостоятельного литературного жанра, хотя именно сейчас для этого возникают предпосылки, кроющиеся в происходящей в нем внутрижанровой эволюции, в развитии именно тех черт исторического романа, которые являются жанрообразующими и обуславливаются изменяющимся соотношением факта и вымысла, документа и фантазии, изменяющимися отношениями между автором и героем, проявляющимися в его поэтике; в развитии и кристаллизации специфического хронотопа. Мы смотрим на исторический роман как на один из видов романа, находящийся на пути превращения в самостоятельный литературный жанр.

Разнообразие жанровых проявлений исторического романа особенно в XX веке вызывает у исследователей вполне оправданное стремление ввести это жанровое разнообразие в какие-то классификационные рамки. Правда, удачными попытки классификаций различных видов исторического романа не назывешь.

О классификации И. Варфоломеева уже шла речь в начале этой работы³. В основе ее за намеренно усложненной терминологией скрывается до примитивности простой принцип разделения исторического романа по типу главного героя (вымышленной или исторической личности), а не вымысла. Подобная классификация устанавливает очевидное, не содействуя более глубокому осмыслению природы различных видов исторического романа, и поэтому, на наш взгляд, несостоятельна.

Баттерфилд выделяет простейший вид исторического романа – роман-путешествие, в котором герой не важен, важен его контакт с окружающим миром, который и помогает автору обрисовать этот мир. Баттерфилд так характеризует роль героя в историческом романе этого вида: «Его жизнь подобна свече, освещающей закоулки эпохи в тех случаях, когда они соприкасаются; места его соприкосновения с веком, преодоление героем обстоятельств времени, его контакт с механизмом общественной жизни могут идеально выразить характер эпохи»⁴. История, воссозданная в таком романе, статична. Более сложным видом исторического романа является роман, в котором история представлена как динамический процесс. В этом случае «исторические условия, в которые погружен герой, их характер, их развитие... проявляются при взаимодействии с жизнями людей, в том, как они врываются в их судьбы, опрокидывая все расчеты»⁵. Существует и эпизодический роман, состоящий из изолированных эпизодов, некрепко связанных друг с другом фабулой; и, конечно же, роман-эпопея.

Вряд ли правомерно рассматривать подразделение исторического романа на виды, предложенные Баттерфилдом, как классификацию. Его подразделение лишено единого принципа, в нем не приняты в расчет особенности поэтики исторических романов различных разновидностей.

О классификации Джона Фаррера уже шла речь в этой работе. В основу ее положен признак слишком поверхностный, чтобы обеспечить ей успех в исследовании различных жанровых проявлений исторического романа.

¹ Скачков И. Герой и история. – М., 1988.

² Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 447.

³ См. с. 6 этой работы.

⁴ Butterfield H. The Historical Novel. – P. 46.

⁵ Ibid. – P. 48.

И. Скачков⁶ почти повторяет классификацию Фаррера при исследовании жанровых разновидностей историко-революционного романа (роман субъекта, в котором внимание акцентируется на изображении героя, характера; роман объекта – акцент делается на изображении исторических обстоятельств; роман-эпопея). О результативности ее можно сказать то же, что и о классификации Фаррера.

А. Дикинсон не придает большого значения жанровой рубрикации исторического романа и ограничивается классифицированием его по тематическому признаку (социальный роман, роман о семейной жизни, роман-трактат, приключенческий роман, военный роман, романтический роман и роман об определенной эпохе). Сходный принцип, однако не выдержанный до конца, положен Н. Знаменской в основу ее классификации жанровых разновидностей послевоенного американского романа. Однако, по справедливому замечанию И. Варфоломеева, выбор тематик исторического романа как основы для определения его жанровой сущности малопродуктивен и направляет исследовательскую мысль на изучение внешних признаков, оставляя за пределами внимания внутренние, глубинные законы и закономерности, выступающие активными факторами в системе функциональной исторической поэтики.

В теоретическом аспекте И. Варфоломеев абсолютно прав, настаивая на том, что жанровая природа исторической романистики проявляется в типологии функций вымысла и типологии личности главного героя, в соотношении правды истории и художественного воображения, в том наборе синкретических факторов и признаков, которые обнаруживают свою активную жанрообразующую роль под воздействием ее имманентных законов, предопределяющих общие жанровые начала.

Предлагаемые нами классификации жанровых разновидностей американского исторического романа основаны именно на типологии функций вымысла и типологии личности главного героя.

В первой классификации, основанной на взаимоотношении факта и вымысла в структуре исторического романа⁷, мы выделяем следующие виды исторического романа:

1. *объективно-эпический роман*, в основе которого – старательное следование историческим фактам, переводение их в художественный план. Таковы романы Бойда, Росерта, Кэнтора, Эдмондса, Аллена, Фаста, Шаары, Окинклосса, Видала, Фаулера. Это – традиционный вид исторического романа, начало ему было положено В. Скоттом и, на американской почве, – Купером.
2. *условно-исторический роман* (философский, метафорический), которому свойственна замена реальных исторических фактов псевдофактами. Сюда относятся романы Т. Уайлдера «Мартовские иды», Р. П. Уоррена «Дебри», У. Стайрона «Признания Чарльза Тернера», Дж. Херси «Заговор», У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» и другие. Классическим предшественником этой жанровой разновидности исторического романа является роман Т. Манна «Иосиф и его братья».
3. *«роман в истории»*. Этот термин принадлежит французскому литературоведению^{*} и объединяет романы, в которых акцент делается не на исторические события, а на человека в конкретной исторической ситуации, на воссоздании его психолого-нравственного облика. История в таком романе представляет фон, на котором разворачивается действие. Ярким образцом романа в истории во французской литературе О. Флоровская считает, например, романы А. Дюма. В американской литературе XX века «роман в истории» функционирует на уровне массовой литературы, он выродился в скабрзные истории, эксплуатирующие исторические темы, погружающие расхожих героев массовой литературы в обстановку прошедшей эпохи; при этом автора не заботит не только история, но и глубокая проработка характеров персонажей, психологический анализ их личностей, мотивировка действий. Таковы исторические романы Д. Джейкса, Л. Л'Амы, Л. Бромфилда «Дикая река», Л. Коулмена «Земля обетованная», К. Уинзор «Навсегда Эмба», Д. Эрскина «Личная жизнь Елены Троянской» и аналогичные им произведения.

Подобная жанровая классификация исторического романа имеет свою предысторию, что подчеркивает ее правомерность и обоснованность. Еще на рубеже веков М. Брэндер подразделял историческую романистику на собственно исторический роман и роман, в котором история занимает подчиненное положение, а то и вовсе воспринимается как случайность⁸. Четверть века спустя, И. Нусинов⁹ подразделяет всю историческую художественную литературу на субъективную, при написании которой автор сознательно игнорирует историческую правду и трактует историческое событие так, как это ему нужно для выявления своей идеи, и объективную, включающую работы, авторы которых верят, что их трактовка сюжета соответствует исторической действительности, что она дает ключ к пониманию исторического процесса или судьбы и характера исторической личности, что именно их творческие аппараты зафиксировали картину, адекватную историческому вчера. К первому виду исторической беллетристики И. Нусинов относит драмы Гюго, «Освобожденного Прометея» Шелли, «Каина» Байрона, «Иуду Искариота» Л. Андреева; ко второму – «Войну и мир», трилогию А. Толстого, романы В. Скотта, «Бориса Годунова» Пушкина.

⁶ Скачков И. В. Цит. раб.

⁷ На этом же принципе основывалась и классификация жанровых форм и видов американской биографической литературы, предложенная нами в кандидатской диссертации, посвященной творчеству И. Стоуна. Принцип соотношения факта и вымысла, фантазии и документа представляется нам наиболее продуктивным при анализе жанровой природы произведений, являющихся симбиозом факта, документа и вымысла, определяющим их содержательную форму.

^{*} В советское литературоведение был привнесен работой Флоровской О. В. «Французский исторический роман XX века (60–70 гг.)».

⁸ Matthews B. The Historical Novel and Other Essays. – P. 21.

⁹ Нусинов И. М. Проблема исторического романа. – М., Л., 1927.

Вторая предлагаемая нами классификация основана на типологии личности главного героя и принципе типизации, лежащем в основе создания характера. С этой точки зрения мы выделяем следующие разновидности исторического романа:

1. герой романа – маленький человек, неразрывно связанный с эпохой и воплощающий ее глубинную суть. Это – вымышленный герой; создавая его образ, автор пользуется принципами реалистической типизации, разработанными реалистической литературой XIX века. Обобщение осуществляется на основе критерия «особенного» (по терминологии А. М. Левидова). К этой категории относятся главные герои романов Бойда «Маршируя», Митчелл «Унесенные ветром», взятые отдельно герои «Барабанов над Могавком» Эдмондса, «Рожденной для свободы», «Гордых и свободных», «Апрельского утра» Фаста, Чарльз Скайлер из «Бэрра» и «1876» Видала, Джим Манди Фаулера, герои Окинклосса и другие.
2. герой романа – персонаж вымышленный; образ его создан на основе критерия «всеобщего». Он наделен извечными человеческими качествами, является воплощением человека вообще. В романе он играет роль своеобразной лакмусовой бумаги; суть эпохи проявляется при столкновении этого носителя вечного человеческого начала с ее конфликтами. Таковы герои «Долго помнить» М. Кэнтора и «Битвы при Аквиле» Аллена, или философских романов Уоррена «Дебри», Херси «Заговор».
3. герой романа – исторический персонаж. При создании его образа действуют иные принципы типизации, когда характерное для эпохи стремятся выразить не в образе усредненном, обобщающем наиболее типичные черты определенной категории людей, но в образе единичном, аутентичном, образе реально существовавшего всем известного исторического лица, который и становится выразителем характерных движений эпохи, если поместить его в определенный исторический контекст. Этот герой возникает в американском историческом романе с начала 40-х годов. На основе этих принципов типизации созданы характеры героев «Непобежденных» Г. Фаста, «Бэрра» и «Линкольна» Видала, «Ангелов-убийц» Шаары и другие.
4. Коллективное «мы», народ, без которого, вне которого как единого коллективного героя невозможна реализация авторского замысла. Этот вид американского исторического романа продолжает давнюю традицию, начало которой положено историческими романами Кулера, Кеннеди, Симмза. Эта традиция в романе XX века находит яркое выражение в «Барабанах над Могавком» Эдмондса, в романах Фаста «Рожденная для свободы», «Гордые и свободные», «Апрельское утро». И все же в американском историческом романе XX века этот герой не очень распространен, в силу индивидуализма национального сознания.

Предыдущие типы героев были свойственны традиционному объективно-эпическому историческому роману. Философский исторический роман порождает и новый тип героя. Им становится либо «человек вообще» (см. 2 тип героя), либо

5. носитель определенного типа философского сознания, призванный выразить философские взгляды автора. Таковы Нат Тернер Стайрон, Цезарь Уайлдера.

«Роману в истории», функционирующему на уровне массовой литературы, свойствен и свой герой. Мы не стали выделять его в отдельную классификационную рубрику, потому что для него не характерны специфические черты героя исторического романа; герои массового исторического романа – персонажи внеисторические, созданные без учета принципа историзма. Им свойственна стереотипность, лежащая в основе создания характеров – упрощенность характеристик и мотивировок поведения. Они ничем не отличаются от героев других видов массовой литературы.

Предложенные классификационные системы жанровых разновидностей американского исторического романа не претендуют на универсальность. Они являются в первую очередь рабочим инструментом, который призван помочь исследователю в постижении такого сложного и многообразного явления, как современный американский исторический роман, эволюция которого, качественные превращения происходят прямо на наших глазах. Он подобен лаве, не только еще не остывшей, но находящейся в постоянном движении. В подобной ситуации находится не только американский исторический роман. Такого же взгляда на status quo восточно-европейского исторического романа придерживается и П. М. Топер: «Разнообразие творческих решений ставит порой в тупик любителей четких классификационных рубрик; мы имеем дело с явлением подвижным, еще не устоявшимся, в котором скрыты многие и разные возможности для художественного познания»¹⁰, – констатирует он.

В силу этого нельзя не согласиться с Б. Томашевским, считающим, что «В учении о жанрах к вопросу приходится подходить описательно и логическую классификацию заменять служебной, подсобной, учитывая лишь удобство распределения материала в определенных рамках»¹¹.

¹⁰ Исторический роман в литературах социалистических стран Европы. – М., 1989. – С. 9.

¹¹ Томашевский Б. Теория литературы. – М.-Л., 1927. – С. 162.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ